

Несколько лет назад подготовлена к 50-летию Р.А.Балакшина книга его прозы "Избранное". Согласие о поддержке этого издания было получено со стороны областной Администрации, но дальше обещаний дело не идет. Между тем проза, творчество Роберта Балакшина, без громкого слова, - уникальное, самобытное явление. Особенно ценным в творчестве писателя является его способность соединять высокую художественность с основательной серьезностью научного исследования. И вместе с тем - подчиненность и того, и другого служению Отечеству. Что может быть благороднее для прогресса, чем обращение к своим национальным истокам, своим корням, своему началу? Работа во имя памяти есть работа во имя настоящего и будущего. Издание "Избранного" Р.Балакшина будет, вне сомнения, значительным событием в культурной жизни области.

Александр Цыганов.

ЧЕЛОВЕК-РЕКА

У каждого человека бывают свои причуды. Один готов полжизни отдать за модную книгу, другому хоть бы что час простоять в очередь за кружкой пива, третий без ума от людей, которые пинают надутый воздухом мяч, четвертого хлебом не корми, дай козла забить, пятый из тех же доминант небоскребы воздвигает и, как известно из периодической печати, уже достиг колоссальных успехов, шестой... но есть ли надобность перечислять все, что одолевает людей в свободное от работы время. Только с уверенностью можно сказать: такой причуды, как у Степана Никифорова, не было ни у кого.

Степан каждую весну прыгал с Красного моста в реку. Нет, не с этого, железобетонного, а с прежнего - деревянного, сквозного, как паутина. С быками. Меж быков в ледоход застревали льдины. Их на потеху и радость ученикам первой школы рвали саперы. Итак, Степан приходил на мост, где-нибудь в сторонке, чтоб ему не помешали, снимал обувь, и прыгал в одежде в воду. Все, затаив дыхание, смотрели, как Степан, фыркая, отбиваясь от небольших шаливших с ним льдин, плещется в ледяной воде, в крошечке желтовато-грязного льда, в этой убийственной тесноте и давке матерых льдин, от ударов которых еле слышно постанывали крепкие быки. По берегу взад-вперед носились незванные радители с веревками и досками, местные сорвиголовы забирались даже на быки и протягивали руки, предлагая спасение, а Степан на глазах у толпы, которая к тому времени накапливалась у перил, уходил под громоздившиеся льдины и пропадал надолго. Когда иные зрители начинали расходиться, полагая, что уже все кончено, и "скорая помощь", без толку проторчав на берегу, уезжала восвояси, Степан неожиданно появлялся где-нибудь между льдин.

Потом он самостоятельно добирался до берега, отыскивал свои стоптанные полуботинки и, не обращая ни на кого внимания, истекая журчащими ручьями, обессиленный, направлялся домой.

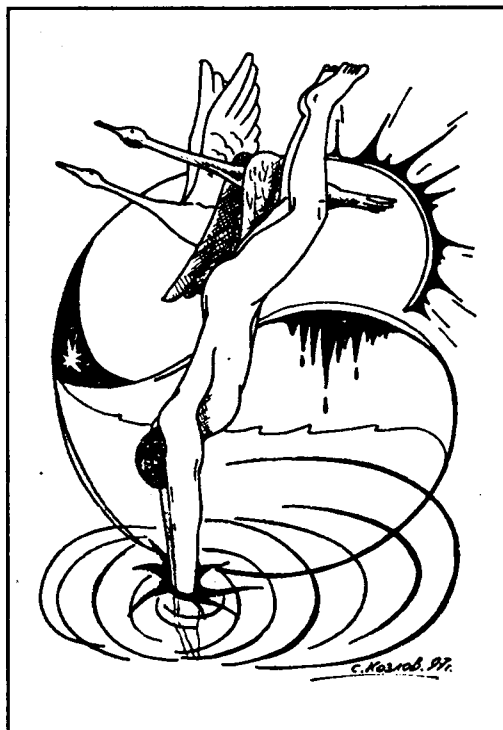
Невдалеке от моста, чтоб не привлекать лишнего внимания общественности, его поджидали милиционеры, чувствительно брали под руки, помещали в машину и везли куда следует. Там к Степану из года в год применяли различные меры воздействия: увещевали, штрафовали, сообщали на место работы, раз даже посадили для острастки на пятнадцать суток: что ж это за манера - сигать с моста, дай каждому волю, тут черт знает что начнется. Другой, пожалуй, и с телевышки махнет.

Ничто не помогало. Увещевания Степан выслушивал, штраф платил, на "сутках" вместе с другими нарушителями убирал мусор на улицах и по-прежнему, лишь только наступит весна, приходил на мост. Пробовали его было определить в секцию моржей, чтобы он принимал ледяную купель в организованном порядке, но Степан организовываться не желал, хотел остаться сам по себе и посещать секцию отказался наотрез. Зимой ему купаться нисколько не хотелось, а закаляться он не собирался: несерьезно все это, дурачество.

Уж если быть точным, Степан и купался-то один раз в году, весной. Потому что купание Степана было далеко не причудой. Степан, как бы выразиться, чтоб не смутить недоброжелательного читателя, был человек-река.

Когда в газонах и скверах еще неподвижно лежал снег и в выходные дни на реке по-

являлось много радостного, пестро одетого, бодрого народа на лыжах и санках, когда по ночам еще ударили нешуточные морозы и насквозь промерзшие пруды коченели в молчаливой тоске, один Степан - один во всем городе - в промчавшемся порыве мартовского ветра чуял отдаленные содрогания воздуха от сотен и тысяч стремившихся сюда крыл. То неисчислимые стаи перелетных птиц снимались

с зимних гнездовий на зеленых африканских берегах, в виноградных долинах Франции, за суровыми холодными Пиренеями, на благодатных землях Междуречья и стремились на родину, чтоб любить здесь, вить гнезда и выводить птенцов.

Медленно, день за днем, теплый воздух, оттесненный метелями и вьюгами к далекому незамерзающему морю, готовился в обратный поход, в ясные дни сугробы оплавлялись на солнце, по чистому небу величаво шли в наступление мощные белые крепости кучевых облаков, по тротуарам расплзалась слякоть, порошки зимних рам наполнялись водой, а Степана охватывало тревожное предчувствие грядущих перемен. Без причины болела голова, беспокойно билось сердце, шумело в висках. Подолгу не мог он заснуть, а если и засыпал, ему снились волнующие загадочные сны. Земли не стало. Куда ни глянь - вода, серебристые, мерцающие поля воды, лишь мельком протемнеет над ними узкая полоска земли. Поля текут, переливаясь друг в друга, движущаяся вода молчаливо смотрит на него и что-то знает о нем. Что-то тайное и родное. Будто вода - это он, а он - это вода. Из прозрачных снежнато-слоистых глубин, извиваясь, быстро всплывает змеевидная рыба с кривыми длинными зубами и, улыбаясь и раззевая пасть, кричит ему что-то радостное и страшное. Он замирает, плачет кислотными обильными слезами, и вот идет над этими водами, парит, как предутренний легкий туман. Отовсюду все громче и громче, нарастая, поднимаясь все выше, звучит и гремит, поглощает его, как волна, внятный ему торжественный хор.

Отдалившись от людей, одиноко бродил он по берегу или сидел у окна, распахнув форточку. В капели с крыши, в бесшумном испарении снега, в звоне оборвавшейся сосульки, в шорохе ручьев под снегом, в реве буйной весенней реки, в криках птиц и пошесте ветра, в поскрипывании старого дома и изменившемся звуке шагов людей за окном для него звучали целые симфонии. И то умалаясь он, отливало в боязливую прозрачную каплю, висющую на кончике сосульки, и со страхом смотрел на странный, изменяющийся мир; вот соскользнул, сорвался и летит, округляясь в долгом полете, сейчас разобьется, расплывется, но уже он огромный, такой, что не видит и не понимает своего тела, а волосы его, как живые жадные корни, раскинулись в воздухе и сосут из него, тянут в себя клубящуюся в воздухе влагу, а вот уже не только волосы, но и весь он пророс тончайшими, щекошущими волосными корнями, и отовсюду вливается в него, распирает со сладкой болью набухающие мышцы буйная, непомерная сила.

Сон то был или явь? Ночью он шел по улице. Вокруг все звенело и дрожало от поступи надвигающейся, ликующей весны. И голые черные ветки тополей и сиреней, меж древесных волокон которых неутомимо взбирались живительные соки, и оттаивающая парная земля, готовая брызнуть первой травой, и сам воздух, проникнутый чудными запахами и звуками - все было напоено свежей могучей влагой, а за домами тяжело вздыхала и ворочалась еще отягченная льдом река. Степан оказался на крыльце третьей школы, на котором, по моде пятидесятых годов, стояли два больших оштукатуренных шара. Он сорвал первый шар, взметнул над головой и обрушил на тротуар. Земля дрогнула. Асфальт просел на полметра. Шар превратился в грудку щебня. Та же участь постигла и второй шар.

Наутро все строили догадки по поводу необъяснимого каприза природы - бессмысленного разрушения шаров. Позже, примерно через месяц, когда река уже спала, Степан пришел покаяться, что это он набезобразничал. Ему посоветовали пойти домой и проспаться: в каждом шаре было не меньше куба кладки.

И чем дальше и полнее развивалась весна, тем нелюдимее становился Степан. И раньше не отличался он особой разговорчивостью, но теперь вообще не разговаривал ни с кем. Сейчас он жил другой жизнью, той давней жизнью, когда был он свободен, как эта река и дождь, как град и снег, как роса и туман, и воспоминания об этой жизни все больнее волновали и тревожили его в смутных грезах и сновидениях.

Все трудней становилось ему. Голова разламывалась от боли, кровь кипела и стучала в висках. Мучительная темная тяжесть давила его. И вот по одному ему известному сигналу он знал: пора. Тогда он шел на мост и прыгал с него. В этот день вскрывалась река.

И, барахтаясь в воде, сосредоточенный и серьезный, Степан чувствовал, как освобождается от чего-то, как река изымает из него всю уже не нужную ему силу.

Однажды Степан исчез. Пропал. Объявили розыск, но его не нашли. Не было его и на мосту. Напрасно дежурили милиционеры, мечтавшие в этот раз перехватить его на подходах к мосту. В этот год случилось наводнение. Страшное, какого не помнил никто.